

УДК 94(495).01

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-3-427-436

**ПОСВЯЩЕНИЕ В СТУДЕНТЫ И ДРУГИЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ
В ВЫСШИХ ШКОЛАХ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АФИН¹****INTRODUCTION TO THE STUDENTS AND OTHER INFORMAL RITUALS
IN THE HIGH SCHOOL OF LATE ANTIQUE ATHENS****А.М. Болгова****A.M. Bolgova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Аннотация

В позднеантичную эпоху высшие школы Афин, преимущественно философские, оставались наиболее авторитетными учебными заведениями. Значительный интерес представляют неформальные обряды и ритуалы студентов. Существовала практика перехвата абитуриентов, приезжавших в Афины, и насильственная их запись к тому профессору, чьи помощники смогли захватить новичка. Далее следовал неформальный обряд посвящения в студенты, напоминавший теургические практики и элевсинские мистерии, после чего перейти к другому преподавателю было уже официально невозможно. Существовал также обряд перехода на второй, продвинутый уровень обучения, сопровождавшийся получением трибона – плаща философа. Студенты, которые в силу личных особенностей не проходили этих посвящений (как Василий Великий), испытывали большие трудности в повседневном общении с однокашниками.

Abstract

During the Late Antiquity high schools of Athens, mostly philosophical, kept the most prestigious educational institutions. The informal ceremonies and rituals of the students are most of interest in this article. There was a practice of catching the students who came to Athens, and forced their entry to the professor, whose assistants were able to capture a beginner. There followed an informal rite of initiation to the students, reminding theurgic practices and Eleusinian mysteries, then it was no longer possible to go to another teacher. There was also a rite of up-coming for a second, advanced level training. Students who did not pass these initiations due to personal characteristics (like Basil the Great), were in trouble in daily communication with classmates. Education trained a new generation of the elite of the empire for a public career. It taught young people how to interact with peers, behave in public and maintain the extensive personal ties with friends and like-minded people; and also linked them with a common culture.

Ключевые слова: Афины, студенты, обряды, посвящения, мистерии, теургия, преподаватели.

Keywords: Athens, students, rituals, initiations, mystery, theurgy, teachers.

В IV – нач. VII вв. Афины остались в авангарде «университетского» уровня образования в позднеантичном мире, и славе его софистов и высших школ не было равных.² Студенты

¹ Выражаем признательность д-ру Роберту Дж. Пенелле (Нью Йорк) и д-ру Раффаэлле Кривиоре (Принстон) за плодотворное личное обсуждение ряда идей в контексте данной темы в период пребывания в Париже.

² Об академической культуре поздней империи см.: [Watts, 2006, p. 24–142], о школах Афин в их городском контексте: [Watts, 2010, p. 1–88; Watts, 2000, p. 73–78; Watts, 2005, p. 234–251; Watts, 2004, p. 13–24]. Об истории позднеантичных Афин в целом: [Frantz, 1975, p. 29–38; Kaldellis, 2009, p. 11–59].

приезжали в город из всех провинций и многих городов для обучения риторике и философии, а также для того, чтобы приобщиться к основам Пайдеи (синтеза образования и воспитания, отличавшего культурного человека)¹. Такое образование и воспитание непосредственно готовило новое поколение элиты империи для общественной карьеры; оно учило молодежь, как взаимодействовать со сверстниками, вести себя на публике и поддерживать обширные личные связи друзей и единомышленников (по сути, равные классической проксении); а также связывало их общей культурой, основанной на классической словесности. Еще одной целью приезжавших было жить и учиться именно в «Золотых Афинах», славе Греции, которые Григорий Богослов считал самой основой обучения и красноречия². В IV–VI вв. здесь существовали, по меньшей мере, риторическая школа Прозересия-Гимерия и философская школа неоплатонизма (390–529 гг.) [Watts, 2006, p. 48–142; Александрова, 2018, с. 17–23].

Вызывает большой интерес «корпоративная культура» студентов и преподавателей Поздней античности, так как она до настоящего времени почти не была предметом исследования, но имеет четкие аналогии как в средневековых университетах, так и в наши дни. В ряду элементов этой культуры, или субкультуры, лежат неформальные ритуалы, которые начинались с «посвящения в студенты» [De Forest, 2011].

Большая часть известной нам информации относительно данных обрядов относится к риторической школе Афин. Крупнейший ритор «третьей софистики» (2-я пол. IV в.) Либаний, когда он был еще молодым человеком в Антиохии, с юности был пленен рассказами о риторической школе в Афинах, о тамошних софистах, их фантастических жарких дебатах, и беспокойной, буйной студенческой субкультуре, которая была частью академической жизни в городе. Либаний, по его собственным словам, «последовал примеру Одиссея и отверг даже брак с богиней для проблеска дыма Афин». После того, как его старый дядя и опекун Панольбий скончался, получив разрешение от другого дяди, Фасгания, он отправился в Афины (Liban. Or. 1.11–13, 1.19). Он прибыл на берега Аттики примерно в начале зимы 336 г., после путешествия через Малую Азию и Эгейское море (Liban. Or. 1.14–15). Когда он приехал, то прямо на набережной его схватили студенты софиста Диофанта. Затем он был «заперт в клетке, большой, как бочка», где он находился, пока не принял клятву учиться у Диофанта, которая ознаменовала его формальное зачисление в школу в качестве студента последнего (Liban. Or. 1.16). Далее, вечером, Либания привезли в термы на праздник, где он официально вступил в свой новый студенческий корпус (Liban. Epist. 1458).

Обстоятельства зачисления Либания в ученики Диофанта и вступления его в студенты отражали тогдашние традиции и особенности оформления нового студента. Почти каждый новый абитуриент, который прибывал в Афины, подвергался неформальному ритуалу посвящения [De Forest, 2011, p. 315–342], который завершался в термах на агоре. Ныне этот ритуал неформального «вступления в сообщество студентов» достаточно изучен [Walden, 1970, p. 296–307; Watts, 2005, p. 236–241; Watts, 2000, p. 75]. Хотя этот ритуал никогда не имел официальных форм и четкого сценария, он исполнялся практически над каждым новым студентом. Поэтому его не следует ни игнорировать, ни считать лишним звеном в учебной системе и студенческой субкультуре Афин.

Григорий Богослов и Олимпиодор Фиванский являются наиболее важными источниками по неформальному ритуалу посвящения в студенты (Greg. Naz. Or. 43.16; Olymp., fr. 28 (= Phot. Cod. 80)) [Blockley, 1983, p. 192–193].

¹ География абитуриентов, поступающих в школу Гимерия и Прозересия в Афинах, включала Каппадокию, Ионию, Кипр, Вифинию, Армению, Египет, Сирию и др. См.: Him. Or. 44 (Bithynia); Or. 14 (Egypt); Or. 17 (Cyprus); Or. 18 (Cappadocia); Or. 26 (Ionia) [Himerii, 1951; Man and the Word, 2007]. О географии студентов Прозересия см. Eunap. VS 477–515. О Евнапии см.: [Penella, 1990]. Далеко не все приезжали в Афины, чтобы поступить туда учиться впервые. Многие «переводились» сюда или приезжали, бросив прежнюю школу, где обучались ранее [Болгова, 2015, с. 50–53].

² Greg. Naz. Or. 43.14 – о «Золотых Афинах»; PG 37.977 – об Афинах как εὐχος Ἑλλάδος.

Григорий обучался в Афинах в течение почти десяти лет, приблизительно с 348 до 358 гг.¹ Он утверждал, что был высокого мнения об Афинах и их интеллектуальной среде на протяжении всей своей жизни. Хотя он не сообщает подробностей ни о своих преподавателях, ни о курсах обучения, ни о школе в целом², в надгробной речи Василию он дает детальный рассказ о неформальных ритуалах посвящения в студенты³.

Олимпиодор – дипломат Восточной империи в первой четверти V в., направленный к гуннскому двору и написавший «Историю», сохранившуюся во фрагментах – оставил подробное сообщение о своем студенческом ритуале посвящения в Афинах, которое состоялось около 385–390 гг. Известно, что его близкие друзья Леонтий и Гиерокл находились в городе в то время, когда последний учился у Плутарха Афинского в философской школе. В 415/16 г., Олимпиодор, видимо, был среди двоих кандидатов на кафедру риторики, направленных в Афины из Константинополя. Олимпиодор также использовал свое служебное положение, чтобы обеспечить другую кафедру своему давнему другу ученому Леонтию, отцу Афинаиды – императрицы Евдокии (Olymp., fr. 31) [Treadgold, 2004, p. 709–733].

Либаний и Евнапий также упоминают такой ритуал, но никто из них не дает подробного изложения его сущности и порядка (Eunap. VS 485–486; Liban. Epist. 1458). Свидетельства об этом ограничиваются IV в. и первой четвертью V в., так что нельзя сказать, когда этот ритуал возник, и когда он перестал исполняться.

Неформальное посвящение абитуриентов в афинских высших школах начиналось, как только юноша высаживался в аттическом порту. Григорий Назианзин отмечал: «Всякий раз, когда новый ученик попадает в руки тех, кто хочет его схватить, это происходит либо принудительно, либо добровольно – они наблюдают аттический обычай, который представляет собой смесь шуточного и серьезного. Прежде всего, студент направляется в дом одного из тех, кто первым схватил его, либо друзей или родственников, или земляков, или из тех экспертов в софистике и убеждении, который по этой причине находится в почете среди них. Они считают его как награду, тем самым, получая новых сторонников» (Greg. Naz. Or. 43.16) [Иларион, 2001, 24].

Подробный рассказ о прибытии нового студента дает Евнапий, который сам был студентом в Афинах в 362–367 гг. Он начал свои занятия там в возрасте 16 лет, приехав, чтобы учиться у Прозерсия, которого Евнапий ставил на самое высокое место⁴. Он отплыл в Афины с какими-то родственниками из Лидии, на корабле, капитаном которого был старый друг Прозерсия. Корабль прибыл в «первом часу», и в полночь новые студенты были уже в Афинах, в доме Прозерсия, сопровождаемые туда лично капитаном судна. После этого Евнапий и другие новые студенты были помещены под опеку Максима и Анатолия, которые оба были из Армении и являлись земляками и близкими родственниками (συγγενεῖς ἰδίους) Прозерсия. Эти люди и отправили новичков «в термы» для неформаль-

¹ Еп. Иларион (Алфеев) отмечает [Иларион, 2001, 27]: «Григорий провел в Афинах около десяти лет». Однако, в другом месте той же книги даются иные цифры – в таблице событий жизни Григория: «Обучение в Афинах – 350-356/358» (то есть, 6–8 лет) [Иларион, 2001, 11].

² Еп. Иларион (Алфеев) ошибочно полагает, что Григорий учился в школе неоплатонизма – Академии [Иларион, 2001, 20–22, 28] («Основными предметами, изучавшимися в Академии, были риторика и софистика... Философии в Академии уделялось меньше внимания, чем риторике и софистике» (sic!)). В действительности, в Академии, возобновленной Плутархом лишь в 390 г., основным предметом, естественно, была философия (неоплатонизм), а риторика была основным предметом в риторической школе Гимерия и Прозерсия, куда Григорий поступил около 348 г. (на год ранее Василия). См. подробнее [Watts, 2006, p. 48–78].

³ О Григории см.: [McGuckin, 2001, p. 35–84 – о его образовательном фоне, p. 47–84 – о времени его пребывания в Афинах]; [McLynn, 2001, p. 178–193].

⁴ Евнапий дает мало прямых указаний относительно Прозерсия, которому было тогда 86 или 87 лет, и который передавал все свои дела, в том числе большинство преподавательских обязанностей, своим старшим ученикам. Кроме того, после издания указа Юлиана против христианских учителей, в период с середины июля до середины сентября 362 г., Прозерсию юридически было запрещено преподавание, и он ограничивался административными обязанностями в рамках своей школы. Но сама школа оставалась открытой, набор и обучение студентов продолжались [Watts, 2006, p. 72–75].

ного посвящения. Так как Евнапий прибыл в город нездоровым, Прозерсий вмешался лично, чтобы убедиться, что обряд проводился в мягкой манере, прося своих учеников «воздерживаться от всех насмешек и шуток, и тереть его нежно, как если бы это был мой собственный сын» (Eunap. VS 486).

Таково было «ритуальное очищение» после прибытия и собственно посвящение. По всей видимости, это было обязательным для всех. Однако источники дают понять, что иногда студенты, прибывавшие в Афины, похищались против их воли, как отмечает Григорий. Евнапий говорит об этом еще больше. Когда, комментируя основные принципы набора студентов у Прозерсия, Епифания и Диофанта, которые все добились успеха и известности после смерти Юлиана Каппадокийского (ок. 340 г.), он отмечает, что они набирали студентов из конкретных регионов Восточной империи. Епифаний, сириец, набирал абитуриентов в значительной степени из Сирии и Месопотамии, армянин (малоазиец) Прозерсий обращал внимание на студентов из Малой Азии, Египта и Ливии. Но Евнапий также ясно сообщает, что он дает эти «сферы влияния» преподавателей лишь в общих чертах, так как некоторые студенты «были обмануты и пошли не к тому учителю, к которому они намеревались» (Eunap. VS 488). Кроме того, Евнапий отмечает, что когда прибывал корабль, «принадлежащий Афинам», то многие студенты старших курсов ждали в порту его прибытия как «сумасшедшие одержимые, каждый для своей конкретной школы» (Eunap. VS 485). Поэтому некоторые юноши, приезжавшие учиться у конкретного софиста, могли оказаться похищенными студентами другого, насильно задержанными, и подвергнуться насильственному неформальному посвящению, которое влекло вполне реальные обязательства по обучению у того преподавателя, посвящение к которому он прошел.

Либаний сообщает детали своего прибытия и похищения в автобиографии, где изображает весь инцидент во вполне отрицательном духе¹. Он заранее договорился об обучении у Епифания, сирийского софиста, но студенты Диофанта перехватили его прежде, чем он смог связаться с выбранным им учителем. Он был заключен в каком-то небольшом помещении в течение короткого времени, пока не дал клятву Диофанту в качестве одного из его учеников (Liban. Or. 1.16).

Такая клятва (присяга) была средством, с помощью которого афинские софисты привязывали студентов к себе, хотя ничего не известно о ее содержании или терминологии. После того, как студент давал клятву учиться у определенного софиста, ему, как правило, не разрешалось переходить к другому. Видимо, среди софистов в Афинах IV в. могло существовать что-то вроде корпоративной системы, в которой было установлено, что после того, как студент дал клятву учиться у конкретного софиста, а Либаний был вынужден это сделать, студент не мог перевестись к другим учителям в городе².

Евнапий отмечает, что Либаний «попал в ловушку, которая была подготовлена для него учениками Диофанта, и, следовательно, пристал к этому софисту» (Eunap. VS 495). Кроме того, возможно, Либаний был освобожден от многих требований членства в студенческой группировке Диофанта, потому что имелось опасение, что он обратится в суд с жалобой на свое насильственное зачисление (Liban. Or. 1.20). Это означает, что такие принудительные похищения были, вероятно, незаконны на каком-то уровне, так что недовольный студент мог извлечь уступки у своих сокурсников в обмен на какую-то отдельную свободу действий, отказываясь от официального заявления. Либаний в автобиографии заявляет, что он рассчитывает на суд в Коринфе в отношении студентов, похищаю-

¹ Изображение Либанием этого инцидента, конечно, драматизировано, но нет никаких оснований сомневаться в том, что он имел место. В Epist. 1458 он уже позитивно вспоминает свою ночь посвящения – термы и сам праздник.

² Э. Уоттс [Watts, 2006, p. 43–44] также отмечает, что эта практика, возможно, обеспечивала стабильный доход студентам и преподавателям в Афинах, независимо от их способностей. В любом случае, крайне редко (хотя и не невозможно: Him. Or. 35) студент мог перейти к другому преподавателю, уже приступив к учебе. Возможно, в результате этого более ранняя практика частых переходов среди студентов прекратилась; в Антиохии же студенческие переходы не были проблемой [Cribiore, 2007, p. 191–196].

щих новичков в портах (Liban. *Or.* 1.19). В конечном счете, это явление не могло быть всеместным, но в аттических портах в отношении новых абитуриентов оно имело место.

Приезд Прокла около 430/1 г. дает нам наиболее позднее из сохранившихся свидетельств о прибытии нового студента в Афины. Возможно, оно происходило по сходному сценарию¹. Прокл прибыл в Пирей и был встречен там Николаем, ликийским товарищем и студентом школы, в которую он намеревался поступить. Мы знаем из Дамаския (Vit. Isid. 64), что Николай был учеником Плутарха, основателя неоплатонической школы в Афинах. Хотя его встречали студенты из его школы, ожидавшие в порту, он все равно стал объектом конкуренции между вербовщиками, что указывает на то, что в этот период (430/1 г.) академическая культура в Афинах еще сохраняла многие традиции IV столетия.

После того, как новый студент был включен в корпорацию преподавателя с помощью посвящения, как сообщает Григорий Назианзин, «над ним тогда начинали издеваться все, кто пожелает. Их цель, я думаю, была в том, чтобы смирить притязания новичков и поставить их под власть с самого начала. Насмешки были грубыми или разумными, в зависимости от грубости или культурного уровня присутствующих. Эта практика, для тех, кто не знал об этом, казалась страшной и жестокой, но тем, кто уже это знал – довольно приятной и очаровательной, ибо это было более чем отражение действительности и ее угроз. Далее, неофит шел в процессии через агору в термы. Ответственные за процессии строились в два отдельных ряда, и впереди посвящаемого заходили в термы. Когда они приближались к неофиту, они поднимали крики и прыгали вверх и вниз, как будто в испуге, крича, чтобы он не продвигался дальше, но остановился, как будто бы термы были закрыты для него. В то же время, они стучали в двери и пугали молодежь шумом. Затем они позволяли новичку войти, и, наконец, предоставляли ему свободу; по возвращении из терм они ставили его на равных с собой. Это самая приятная особенность всей церемонии для юношей, так как это приносит мгновенное облегчение» (Greg. Naz. *Or.* 43.16). Ритуал, видимо, завершался для нового студента в его первую ночь в Афинах. Вполне вероятно, что обряд выполнялся как можно быстрее, так как он служил в качестве формального средства вступления в корпорацию того или иного софиста.

Описание Григория соответствует сообщению Евнапия, спутники которого тоже быстро двигались от порта к термам в течение одной и той же ночи (сам Евнапий был болелен) (Eunap. VS 485–486). И хотя инициация Либания, возможно, была отложена на два дня или более из-за его содержания под стражей, его случай не должен рассматриваться как нормативный (Liban. *Or.* 1.16). В Lib. *Epist.* 1485 указывается, что посвящение не начиналось до вечера, и, в целом, свидетельствует о том, что ритуал регулярно выполнялся в ночное время (например, у студентов, прибывших с Евнапием, чтобы учиться у Прозерсия).² Сам Прозерсий назначил руководить обрядом Максима и Анатолия (VS 486), а сам он происходил глубокой ночью (ἦν τε νυκτὸς τὸ σταθερότατον). Эти двое «приветствовали вновь прибывших, и привели их в термы, и показали их во всех отношениях; и другие студенты делали обычные действия с шутками и смехом за их счет. Остальные, как только они искупались, были освобождены и пошли своей дорогой...» Текст сообщает, что студенты прошли через ритуал посвящения сразу по прибытии, в ночное время.

Олимпиодор отметил важный дополнительный элемент церемонии для некоторых участников: «В Афинах никому, особенно иностранцу, не разрешалось носить трибон [плащ философа]. Для его ношения требовалось постановление софистов, и по их законам это разрешение надлежало подтвердить определенными обрядами. Обряды эти таковы. Прежде всего, новичков, будь то мальчики или взрослые, ведут в общественную баню. В их числе находятся и люди, которые по возрасту своему могут носить трибон. Школяры, приведшие [новичков], выталкивают их в середину. Затем одни выбегают вперед и не

¹ Довольно расплывчатое описание можно найти у Марина в «Жизни Прокла», 10–11. Прокл прибыл в Афины, вероятно, поступать в школу Плутарха, дела которого в это время вел уже Сириан (Vit. Procl. 8–9).

² Э. Уоттс [Watts, 2006, p. 72–73], утверждает, что посвящение новых студентов Прозерсия происходило утром, но текст источника не создает такого впечатления.

пускают, другие же гонят их и удерживают. При этом все не пускающие кричат: «Стой, стой» Он не моется!» Победившей считается та сторона, которая отогнала противников ради приведенного школяра. Этот последний долго стоит, пока идет обычная перебранка с теми, кто его привел, а затем его уводят в жаркое помещение, где и моют. Одеваясь, он получает право носить трибон. В трибоне он выходит из бани, сопровождаемый торжественной процессией, и уплачивает значительную сумму организаторам этой забавы, которых называют акромитами» (Olymp., fr. 28).

Григорий и Олимпиодор согласны между собой относительно основной части структуры ритуала. Новых студентов вели в процессии через агору, разделив на две колонны. Одни «надсмотрщики» выталкивали новичков из строя, а другие пытались перекрыть им путь. После того, как процессия подходила к термам, старшие студенты начинали громко шуметь и кричать, подпрыгивали, стучали в двери терм, и вообще создавали ощущение волнения, чтобы напугать новых студентов. В этом крике заключалась команда для новичков не идти дальше, и им говорили, что термы закрыты для них. Затем новичков заводили в термы, где студенты старших курсов уже купались. Потом следовало «очищение» (омовение) молодых. После терм новички были признаны старшими студентами и включались в корпорацию. Либаний добавляет, что после происходил большой совместный пир для студентов, новых и старых (Liban. Epist. 1458). Детальных подробностей того, что происходило внутри терм, или в каких конкретно термах все это происходило, источники не сообщают.

Олимпиодор отмечает два важных элемента ритуала, которые не упоминает Григорий: платежи, сделанные новыми студентами вожакам студенческих групп, в виде взносов, и присуждение трибона студентам, уже имевшим начальную подготовку и достаточно продвинутому в учебе. Из текста становится ясно, что претенденты на трибон не были совершенными новичками-абитуриентами, которые только приехали в Афины. Скорее всего, обряд посвящения в студенты в термах с испытаниями и омовениями относится исключительно к новым студентам (νεήλυδες). Обряд же облачения в трибон был посвящением как бы второго уровня, переводившим студента на более высокое положение. Так, Либаний, который прибыл в Афины уже с опытом более раннего обучения, в возрасте около 21–22 лет, получил трибон в рамках церемонии, в то время как младшие школяры, как Евнапий, которому было только 16 лет, не получали его, а проходили первоначальное посвящение. То, что существовали различные степени посвящения в ходе ритуала, – не удивительно. Многие софисты ощущали Пайдейю как священную тайну, установления которой, тексты и знания были наделены святостью¹. Софисты и философы усвоили на посвящениях язык мистических культов, и доступ к священным тайнам Пайдейи открывался через мистерии и обряды посвящения². В Афинах, где в IV веке Элевсинские мистерии были по-прежнему популярны и тесно связаны с городом, метафора Пайдейи как священной тайны была особенно понятной и влиятельной³.

Сохранившиеся речи Гимерия дают наиболее подробное представление о школах в позднеантичных Афинах и показывают, что Пайдейя воспринималась в определенной мере как параллель к Элевсинским мистериям с точки зрения сакрального смысла [Penella, 2008, p. 127–144; Barnes, 1987, p. 206–225]. На протяжении всех своих речей Гимерий использует язык иерофанта для описания своего обучения, роли его учеников, и их места в своих исследованиях. В речи, произнесенной в начале учебного года, посвященной встрече своих новых студентов, Гимерий утверждает, что некоторые из них «пришли к тайнам, которые живут недалеко от реки Каик», и обещает далее «раскрыть священные [обряды] посвященным» в «действиях» и «речах» (Him. Or. 69.8). Он даже описывает себя как жреца, вернувшегося из поездки в Коринф (Him. Or. 30.20). Гимерий связывает Пайдейю с Элевсинскими мистериями в нескольких местах. В той же речи он рассказывает своим студентам: «Кто из

¹ См. [Kaster, 1988, p. 15–16]. Р. Кастер также отмечает, что Пайдейя – это «гимнасий ума».

² См. [Riedweg, 1987] об использовании философами терминологии, связанной с инициациями.

³ Об Элевсинских мистериях см.: [Clinton, 1974; Mylonas, 1961]. О мистериях помимо элевсинских см. [Burkert, 1987].

вас слушает и повинуется, тот услышит звуки песни Иакха в полном объеме; если кто-то из вас не слушался и не проявил никакого внимания к тому, что я говорю, я скрою от него [священный] огонь и запру от него святыни красноречия» (Him. Or. 69.7). Параллель здесь довольно прямая: священный огонь связывался с огнем Элевсинских мистерий, и процессия во время мистерий была во главе с Иакхом [Mylonas, 1961, p. 236, 252–255]. Пожалуй, наиболее интересно (и важно), что речи Гимерия показывают, что его ученики состоят из мистов (*mystai*) и эпоптов (*epoptai*); эти термины глубоко укоренены в Элевсинских мистериях. Младшие студенты, мисты, видимо, начинали подвергаться инициации в термах по прибытии в Афинах, но не получали трибон, пока они не были должным образом подготовлены для него в учебе. Студенты, более продвинутые в учебе и имевшие более глубокое знание тайн Пайдеи, получали трибон во время специальной церемонии. Они должны были быть эпоптами, которых Гимерий имеет в виду в своих речах (вместе со многими из его опытных студентов), а также мистагогами для новичков. Тем не менее, остается не очень ясно, когда и как студенты, изначально не имевшие трибона, его получали. По-видимому, это случалось в какой-то момент их учебы. Это был, прежде всего, знак их достижений в учебе, а также показатель возросшего статуса в студенческой корпорации.

Студенты позднеантичных Афин не отмечали специальными обрядами окончание учебы, считая это лишь промежуточным рубежом. Этот рубеж можно было бы использовать в качестве эффективного инструмента для набора новичков афинскими софистами, но ни один источник не говорит об этом прямо.

Было бы интересно знать также, использовал ли Прозерсий, христианин¹ и софист, подобную терминологию для описания своего обучения. Но известно, что Гимерий, наряду с Прозерсием, вводил Григория и Василия, самых известных из посетивших Афины христиан, в данные обряды².

В контексте ритуала посвящения студентов Афин объединялись два наиболее важных и известных учреждения города – Элевсинские мистерии и школы. Элевсинский образец для ритуала посвящения в студенты предопределял проведение церемонии в общественных банях (термах). Начальный этап посвящения включал омовение и, следовательно, содержал важный элемент очищения. Церемония посвящения подчеркивала необходимость очищения до вступления в священные тайны Пайдеи, в понимании софистов и их учеников. Ритуал посвящения часто был связан с удалением посвящаемого, с его уединением, скрытостью и обнажением в процессе обряда [Turner, 1979, p. 234–243; Eliade, 1958]. Обряд посвящения был тесно связан с созданием и поддержанием иерархии в студенческих группах помимо разделения на мистов и эпоптов. Каждый студент имел официального вожака своей группы, обычно называемого *πρόστάτης*, *ἀκρομίτης* или *χορηγός* [Walden, 1970, p. 296–297].

Олимпиодор отмечает, что новые студенты обещали «определенные суммы денег» студенческим вожакам – *ἀκρομίται*. Хотя нет никаких свидетельств о том, сколько денег составляло это участие, или для какой цели они использовались, одна возможность кажется предпочтительной. Либаний отмечал, что он принял участие в трапезе после посвящения в термах, и вполне возможно, что деньги были использованы для оплаты этого [Ibid., p. 305]. Также это могли быть своего рода взносы для оплаты множества других мероприятий, осуществляемых студенческими организациями в Афинах. Насмешки, переживаемые новым студентом в начале ритуала, должны были смирить его и поставить его под твердый контроль своей новой корпорации, особенно ее вожака и старших студентов (Greg. Naz. Or. 43.16). И, конечно, вожак студенческого сообщества и студенты старших

¹ Таково мнение большинства специалистов [Watts, 2006, p. 48–78], однако источники не позволяют это утверждать однозначно [Александрова, 2018, с. 21].

² Неясно, были ли Гимерий или Прозерсий основными «инструкторами» для Григория и Василия. Исходя из характера школ в Афинах, мы можем предположить, что один из них таковым был, и что Василий и Григорий обычно посещали публичные лекции другого. Сократ (Socr. HE 4.26) и Созомен (Soz. HE 6.17) говорят, что Василий и Григорий были студентами Гимерия и Прозерсия. Э. Уоттс [Watts, 2006, p. 63, n. 67] склоняется к Прозерсию.

курсов, которые председательствовали на ритуале, все были одеты в трибоны. Таким образом, ритуал формировал среду, в которой студенты старших курсов, в том числе вожак корпорации, в наибольшей степени утверждались в своем старшинстве и превосходстве над новичками через руководство церемонией, сбор платежей, психологическое давление.

Таково было начало студенческой жизни почти у каждого нового студента, который поступал в афинские школы. Но через этот обряд проходили и христиане. Григорий Назианзин относится к этому ритуалу как к «аттическому обычаю». Он говорит об этом весьма небрежно. Не может быть никаких сомнений в том, что он принимал участие во многих из них во время своего длительного пребывания в Афинах. Будущий отец Церкви мог даже наслаждаться неформальной студенческой культурой [McGuckin, 2001, p. 47]. Евнапий тоже отмечает, что это было обычной практикой (Eunap. VS 485–486).

Однако, нам известно одно (?) исключение: Василий Кесарийский [De Forest, 2011, p. 330–333; Иларион, 2001, 24–25]. Сразу же после описания ритуала посвящения, Григорий отмечает: «В то время не только я сам, не желая подвергать моего друга, мудрого и великого Василия стыду, и уважая, так как я знал его серьезность характера и его зрелость суждений, но также и другие молодые люди, которые не знали его, были убеждены мною и разделили мои чувства. Результатом было то, что он был чуть ли не единственным новичком, который смог избежать общего обычая, различавшегося в пределах, как правило, предоставлявшихся новым студентам» (Greg. Naz. Or. 43.16). Василий прибыл в Афины в 349 г. в возрасте 19 или 20 лет, и он уже учился в Кесарии и Константинополе [Болгова, 2015, с. 50–53]. Василий стал единственным студентом, о котором известно, что он был освобожден от посвящения. Но произошло ли это по религиозным ли соображениям?

Афинская церковь в IV в. была еще достаточно слаба. Несмотря на то, что епископ Афин участвовал в Никейском соборе 325 г., город в целом обратился в христианство сравнительно поздно, только в V в. [Kaldellis, 2009, p. 11–59]. Тем не менее нет никаких оснований думать, что Григорий или Василий соблазнились язычеством во время пребывания в Афинах. Оба были приняты в благочестивых христианских домах. Кроме того, способ, которым Григорий представляет обряд своего посвящения, описывая его ярко и почти случайно, как свой человек, без какого-либо религиозного подтекста, по-видимому, указывает на то, что он не считает это какой-либо угрозой для своей христианской идентичности. Скорее, он указывает на широту нравов Афин, их по-прежнему функционирующие храмы, множество идолов, и сильное языческое население, но он уверяет своих слушателей, что он с Василием «закрыли и укрепили свои умы» против всего этого (Greg. Naz. Or. 43.21). Кроме того, Прозерсий посвящал своих учеников, будь то христиане или язычники, без различия религии¹.

Василий болезненно отнесся к «позору» посвящения. Скорее всего, Григорий пощадил Василия и освободил от этого вида испытаний, зная характер Василия, и что тот плохо отреагирует на ритуал (Greg. Naz. Or. 43.23) [Watts, 2000, p. 75]. Христианство здесь не имело решающего значения в вопросе отказа от посвящения. Тем не менее игнорирование Василием посвящения имело последствия со стороны части студенческого сообщества. Григорий отмечает инцидент с участием некоторых армянских студентов, которые знали Василия ранее. Они были студентами отца Василия в Кесарии (Greg. Naz. Or. 43.17–18). Григорий описывает их как *συνήθων καὶ φίλων* Василия, и они, кажется, попытались посвятить Василия в первую стадию ритуала посвящения, подвергая его насмешкам, хотя и в гораздо более частной обстановке (Zach. Schol., Vit. Sev. 47). Они «возмущались тем, что те, кто получил трибон и уже прошел обучение в ораторском мастерстве, не имеют никаких преимуществ перед ним, незнакомцем и новичком» (Greg. Naz. Or. 43.17). Возможно, некоторые продвинутые студенты (эпопты), которые уже получили трибон, неправильно отреагировали на особое положение Василия в студенческом сообществе. Вполне возможно, что Василий был подвергнут неформальному остракизму в некоторой степени из-за Григория, освободившего друга от посвящения. Если это так, то социальная маргинализация, возможно, была одной из основных причин его недовольства пребыванием в Афинах [De Forest, 2011, p. 334].

¹ О «комфортной двойственности Пайдейи» см.: [Brown, 1992].

Возможные внешние параллели афинским неформальным обрядам можно найти в «неуставных отношениях», в которые студенты юридических школ первого года обучения были вовлечены в Бейруте [Collinet, 1925].

Лишь в середине V в. в Афинах перестали праздноваться Панафинеи, и языческие храмы города были закрыты¹. Вскоре после этого были также удалены культовые статуи, связанные со многими из этих храмов². Тем не менее, эти инициативы еще не сделали афинскую христианскую общину доминирующей местной политической силой. Фактически, эти успехи христиан, похоже, были результатом прямого имперского вмешательства.

Дамаский (уже в VI в.) пишет в «Жизни Исидора» [Athanassiadi, 1999; Watts, 2010, p. 54–60], что незадолго до смерти «Прокл приказал Исидору изменить свой внешний вид и носить трибон с целью высшей жизни. Исидор не послушался, хотя он почитал Прокла как бога» (Vit. Is. Ath. 59B; Z. Fr. 135). Это, однако, могло прямо не быть связано с неформальными ритуалами, но символическое (и отчасти ритуальное) значение трибона не отменялось. Прокл, как минимум, хотел повысить видимую степень различия между его студентами и остальными афинянами. Дамаский также отмечает, что схолярх неоплатонической школы Гегий (Hegias) еще в начале VI в. [Болгова, 2017] практиковал в ней языческие теургические религиозные ритуалы, в результате чего вступил в конфликт с местными (христианскими) властями³. С этими ритуалами, возможно, были связаны и неформальные обряды; возможно, они уже были лишены религиозного контекста, но в сохранившихся источниках об этом ничего не говорится.

Таким образом, в высших школах Афин скорее всего до начала VI в. еще сохранялись сложившиеся ранее неформальные обряды и ритуалы студентов, прежде всего, начальное посвящение абитуриентов в студенты после подписания «контракта с преподавателем», и посвящение на второй уровень, связанный с ношением трибона. Обряды сопровождалась ритуальными омовениями и унижениями посвящаемых и копировали мистериальные обряды, связанные с элевсинским культом [De Forest, 2011]. Студенты-христиане не противились участию в этих обрядах, кроме Василия, которого освободил от них Григорий Назианзин, в силу особенностей характера последнего⁴. Но неучастие в посвящении сделало пребывание Василия в Афинах трудно переносимым из-за осуждения со стороны однокашников. Позднеантичное студенчество Афин, следовательно, принципиально не отличалось от своих от средневековых и современных собратьев по наличию элементов закрытой корпоративной культуры микросообщества.

Список литературы References

1. Александрова Т.Л. 2018. Византийская императрица Афинаида-Евдокия. СПб., Алетейя, 416.
Aleksandrova T.L. 2018. Byzantine Empress Athenaid-Evdokia. St. Petersburg, Aleteya, 416. (in Russian).
2. Болгова А.М. 2015. Интеллектуальные центры поздней античности и «академическая мобильность» студентов. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Вып. 35. 13 (210): 50–53.

¹ Невозможно определить точную дату прекращения этих процессов, но «Жизнь Исидора» (Vit. Is. Ath. 105A; Z. Fr. 273), как представляется, указывает, что они продолжались не долее, чем частное спонсорство праздника – до конца 460-х гг.

² Vit. Procl. 29-30 указывает, что храмы оставались нетронутыми, если не открытыми, еще в последней четверти V в.; Э. Франц [Frantz, 1975] полагает, что статуя Афины Промехос на Акрополе стояла до 462 г.

³ «От этих действий возник скандал в городе, и он навлек гнев и ненависть как против тех, кто жаждал обильных имуществ, так и тех, которых он был учителем, и некоторых из тех людей, кто устанавливал законы» (Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351).

⁴ Василий вообще отличался большими особенностями характера, близкими к агорафобии и мизантропии: так, он вместе с Григорием принял предложение остаться преподавателями в риторической школе, где они обучались, причем, уговорил на это и Григория, а сам тайне от друга уехал из Афин (Greg. Naz. Or. 43. 24, 20). Григорий расценил это как предательство [Иларион, 2001, с. 27–28], особенно после всего, что он сделал для Василия, защищая его в студенческой корпорации от излишнего внимания однокашников.

Bolgova A.M. 2015. Intellektual'nye centry pozdnej antichnosti i «akademicheskaja mobil'nost'» studentov. In: Nauchnye vedomosti BelGU. Serija Istorija. Politologija. Vyp. 35. 13 (210): 50–53. (in Russian).

3. Болгова А.М. 2017. Исидор против Гегия: Афинская школа между Проклом и Дамаскием (485–520 гг.). Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Вып. 41. 1(250): 37–43.

Bolgova A.M. 2017. Isidor protiv Gegija: Afinskaja shkola mezhdu Proklom i Damaskiem (485–520 gg.). In: Nauchnye vedomosti BelGU. Istorija i politologija. Vyp. 41. 1(250): 37–43. (in Russian).

3. Игумен Иларион (Алфеев). 2001. Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., Алетея, 508.

igumen Ilarion (Alfeev). 2001. Zhizn' i uchenie sv. Grigorija Bogoslova. SPb., Aletejja, 508.

4. Alderink L.J. 1989. The Eleusinian Mysteries in Roman Imperial Times. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 2.18.2, 1457–1498.

5. Athanassiadi P. 1999. *Damascius. The Philosophical History*. Athenai, Apameia, 403.

6. Barnes T.D. 1987. Himerius and the Fourth Century. *Classical Philology*. 82.3, 206–225.

7. Blockley R.C. 1983. The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire. Liverpool, UP, 412.

8. Brown P. 1992. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Toward a Christian Empire*. Madison, Univ., 488.

9. Burkert W. 1987. *Ancient Mystery Cults*. Cambridge, UP, 364.

10. Clinton K. 1974. *The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia, UE, 384.

11. Collinet, Paul. 1925. *Histoire de l'école de droit de Beyrouth*. Paris, 368.

12. Criatore R. 2007. *The School of Libanius*. Princeton, UP, 310.

13. De Forest, Dallas. 2011. Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens. *Journal of Late Antiquity*. Vol. 4. 2: 315–342.

14. Eliade M. 1958. *Rites and Symbols of Initiation: The Mysteries of Birth and Rebirth*. New York, Ed., 305.

15. Frantz A. 1975. Pagan Philosophers in Christian Athens. *Proceedings of the American philosophical society*. Vol. 119; n. 1, 29–38.

16. *Himerii declamationes et orationes cum deperditarum fragmentis*. 1951. Rome, Edizione, 486.

17. Kaldellis A. 2009. *The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens*. Cambridge, UP, 422.

18. Kaster R. 1988. *Guardians of Language*. Berkeley; Los Angeles; London, UCP, 394.

19. *Man and the Word: The Orations of Himerius*. 2007. Berkeley, UCP, 426.

20. McGuckin J. 2001. *St. Gregory of Nazianzus: An Intellectual Biography*. Crestwood, N.Y., 455.

21. McLynn N. 2001. Gregory Nazianzen's Basil: The Literary Construction of a Christian Friendship. *Studia Patristica*. 37, 178–193.

22. Mylonas G. 1961. *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*. Princeton, UP, 543.

23. Penella R. 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Peeters, 455.

24. Penella R. 2008. *Himerius' Orations to his Students*. East and West: Papers in Ancient History Presented to Glen Bowersock. Cambridge, MA, 127–144.

25. Riedweg C. 1987. *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien*. Berlin; New York, Verlag A.G., 428.

26. *The Fathers of the Church: Funeral Orations by Saint Gregory Nazianzen and Saint Ambrose*. 1953. New York, Grover, 569.

27. Treadgold W. 2004. The Diplomatic Career and Historical Work of Olympiodorus of Thebes. *International History Review*. 26, 709–733.

28. Turner V. 1979. *Betwixt and Between: The Liminal Period in Rites de Passage*. Reader in Comparative Religion: An Anthropological Approach. New York, 234–243.

29. Walden J.W.H. 1970. *The Universities of Ancient Greece*. Freeport, N.Y., 296–297.

30. Watts E. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley; Los Angeles: University of Columbia Press, 426.

31. Watts E. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*. Berkeley; Los Angeles, University of Columbia Press, 312.

32. Watts E. 2004. Student Travel to Intellectual Centers: What was the Attraction? *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane*. Aldershot, 13–24.

33. Watts E. 2000. The Late Antique Student's Perspective on Educational Life. *New England Classical Journal*. 27.2, 73–78.

34. Watts E. 2005. The Student Self in Late Antiquity. *Religion and the Self in Antiquity*. Bloomington, 234–251.